

Два Евгения —
Дворжецкий и Князев...

Моем. номере 1999 г. - 22 сент. - с. 7.

Вот некогда тощего студента из Щуки Женьку Дворжецкого (прозвище Дворжак), впоследствии ставшего популярным артистом театра и кино Евгением Дворжецким, везде видели с фотоаппаратом. Свою школьную страсть к фотографии он тренировал повсюду — на репетициях студенческих отрывков, дружеских попойках, на халтурах в городах и весях. Наверное, потому, что никто не знал слова “папарацци”, никто и не прятался от его объектива.

Теперь, когда он с антресолей с трудом достает увесистые альбомы, ясно, что светом он написал портрет целого поколения. Поколения 35—40-летних. Того самого, кого называют потерянным Того самого, кому не повезло с телевизионной и киношной раскруткой. Которое впитало двойную мораль совковой системы и которое защищало цинизмом свои немудреные ценности. При всем при этом существование их было легким и веселым с нехитрым набором радостей: выпили — поговорили — еще выпили — опять поговорили — куда-то понеслись, и наутро, как бойцы, вспоминали минувшие дни.

Они тогда еще не знали, что можно будет, как всем нормальным, путешествовать по миру, что можно задорого продавать свой талант. Колбасясь на тесных кухнях отдельных квартир блочных девятиэтажек и строя рожи фотографу, они не знали, кто из них взлетит выше всех, кто упадет, кто уедет и не вернется, мучая московских друзей ночными звонками. Или уйдет из этой жизни навсегда — одни добровольно, другие, всячески цепляясь за эту б...скую жизнь.

Покопаемся в архивах артиста Дворжецкого. Ба! Да здесь знакомые все лица. К тому же папарацци Дворжецкий оказался хорошим рассказчиком.